

Рассказ Якова Тепина.

Сколько ни помнил себя художник Арсений Иванович, он низменно видел перед собою отца, согнувшегося над литографским камнем, и, штрих за штрихом, выводящего рисунок. Отец приносил их из литографии для вечерней работы. Эти громадные каменные плиты, вершка полтора толщиной, шлифовались и ставились наклонно на столе. Литограф склонялся над ними и зажигал карандашами рисовал орнаменты и изоглифы перевернутых букв. Ночь, горящая лампа, сиренево-зеленый вид делали его похожим на древнего летописца, выцарапывающего на скале символические знаки о том, что было тысячи лет назад.

Арсений Иванович, мальчиком, лежал на полу и смотрел на усталое лицо отца и думал: «так же писал свою летопись Пимен...» и, кутаясь в стеганое ватное одеяло, он воображал себя иным самозванцем; мысли его уносились далеко... Но недалеко втал мыслями Пимен. Он гравировал на камне обложку для мыла, которую утром развернет и бросит умывающийся богач, меню обеда, который он с'ест, и бумажку конфеты, которыми будет он вечером засдеть тяжелую драму в театре. Результаты долгой работы литографа были обречены на забвение раньше, чем будет употреблено мыло, с'еден обед и развернута конфета.

Но Арсюша нравились работы отца—цветы, портреты, надписи: «обед в честь гуманистического основателя Ивановской мануфактуры... пармезан де-Ромбаль, артишоки, воль-о-ван»... В них было много изящества и остроумия и казалось оскорбительным столь быстрое их забвение. Но однажды знакомая прачка показала ему несколько

сот конфетных бумажек, среди которых были работы его отца. Она насобирала их у господ.

— На что они тебе?—спросил Арсюша.

— На что? Вот чудак! Я отвезу их в деревню, наклею на стену. Ребята по ним будут читать.

Действительно среди них была даже азбучная карандаш. Были загадки и ребусы. Арсений рассказал об этом отцу. Отец засмеялся и, перекинув его через плечо, долго носил по комнате, не показывая ему лица.

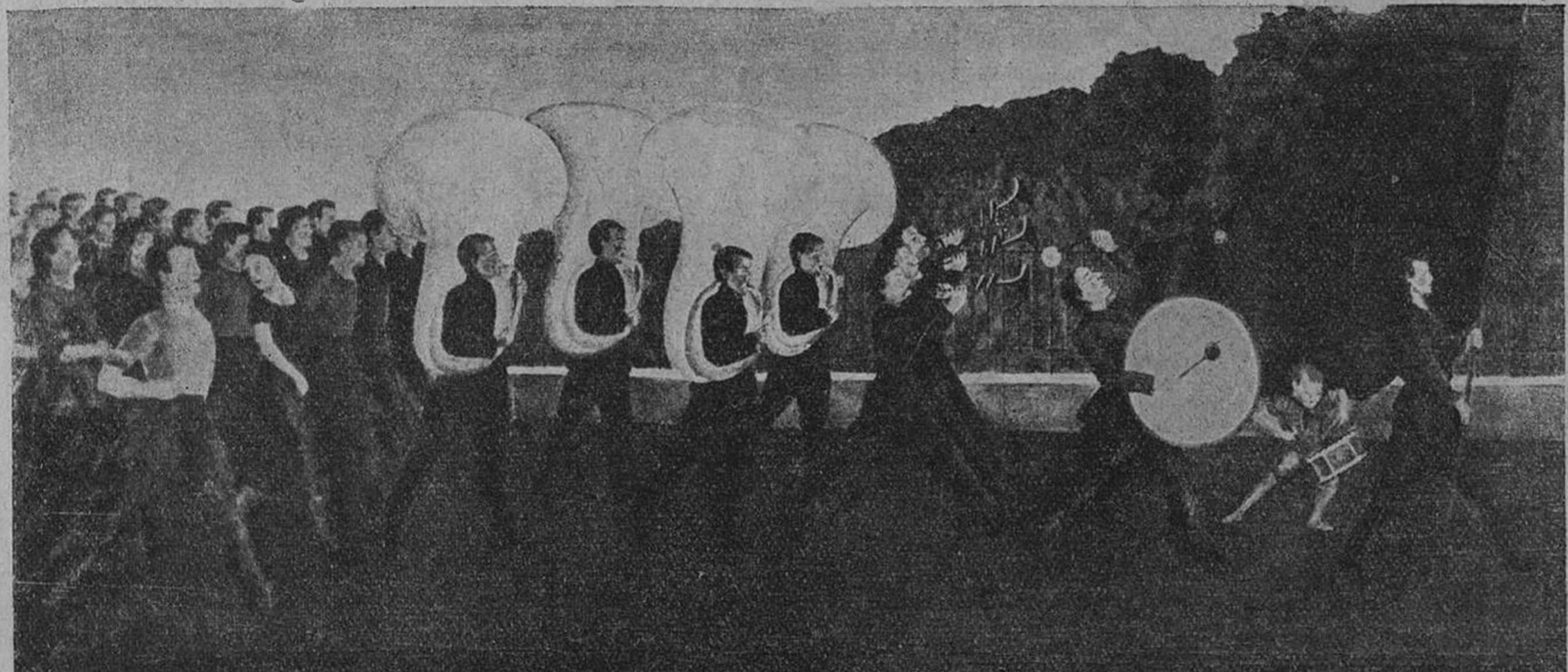
У Ивана Михайловича были густые рыжие волосы, взбивавшиеся на лбу коком. Ему хотелось быть похожим на художника вроде Брюллова и потому он носил бархатную куртку с пестрым галстуком и ростил на голове копну волос, хотя туловище у него было длинное и поги, похожие на колеса. Мечтой его было стать художником, писать картины, удивлять, но пробился он лишь в рядовые литографы, что не мешало ему однако одеваться с претензией и говорить:

— Я создал этот орнамент раньше Васнецова!

Но тем не менее он усердно таскал на спине свои камни, день и ночь копировал чужие рисунки и, утомившись, припадал к сундуку, чтобы приложить к глянцам освежающие тряпочки. У него было шестеро детей. Жена с двумя девочками спала на кровати, трое мальчиков—на стульях, сундуке и корзине, а Арсений с отцом на полу.

Арсений был любимцем отца. Ему внушалось достичь в жизни то, чего не достиг отец, то есть стать настоящим художником. Он восторгался отцом. Ему нравилось, как отец, утомленный работой, рисовал детям смешные картинки и чуть ли не весь остаток пачки шептался с матерью,

Фот. Н. Петрова.

С. Лучинский.

(Выставка «Ост»—Общество станковистов в Москве).

Трубы.

весело перебирая все произошедшее за день. Ему нравилось, как он шутил за обедом, называя птицу—упом-о-шу, кашу—груо-али-рюс и селедочную икру, намазанную на черный хлеб,—шо-фруа. Всем казалось, что они едят какие-то новые блюда и просили прибавки, а мать говорила:

— Ты художник, вот тебе и кажется, что мы едим бог знает что!

Но Арсюше хотелось быть таким художником и есть такие вкусные шо-фруа. Он без устали слизывал цепы и ленты, вставляя между ними таинственные слова. Так тянулись дни, для многих грустные и пустые, а для Арсюши—полные художнических удовольствий.

Однажды поздно вечером, когда все спали, а отец сидел за своею работой, в комната вошел высокий молодой человек с папкой в руке. Крепко сжав руку отца, он сказал тихо и проникновенно:

— Иван Михайлович, я от Нечаева, по делу, о котором вам говорили. Можно?

Иван Михайлович сначала восторженно, потом смузенно и, иконец, покорно посмотрел на него и ответил:

— Видите, сколько здесь народу? Это все мои... Впрочем, если нужно... я готов.

Незнакомец вынул из папки картину, исполненную в пылающих тонах, в которой изображалась казнь революционеров. К столбам было привязано несколько человек. Некоторые из них были ранены, но не убиты и мучились, хватаясь руками за грудь. Другие же в изумлении смотрели на солдат, среди которых произошло смятение. Один из солдат выстрелил в офицера. Его схватили, но он что-то кричит, показывая подбородком на казненных, среди которых, быть может, был его брат. Начальство и священник с крестом испуганно жмутся в темную кучку, жутко контрастную с белыми мечами казненных. Муки, безумие, трусость были выражены с неподражаемым реализмом.

Иван Михайлович взял картину и вскрикнул:

— Как ужасно! И как хорошо! Кто же это писал? Кто это видел? Как удивительно сделано! Нет, это уже не искусство, это яд, свинец... Кто увидит эту картину, тот уже никогда лишился покоя, тот будет революционером...

— Нам хотелось бы размножить ее литографским способом,—сказал пришедший.

Литограф в сильном волнении поднял руку, как бы в знак клятвы и произнес:

— Сколько силы имею в этой руке—всю отдам на это дело и только жалею, что немного силы имею в ней!

— Как сумеете,—сказал незнакомец, благодарно смотря на него.

Оставшись один, Иван Михайлович еще до того рассматривал картину, ахая и хватаясь за свои огненные волосы,

то рисуя в воздухе линии, повторяющиеся в картине. Жена его встала и подошла:

— Ваня, что же это такое?

— Это—то, что казнит!—заговорил он возбужденно,—всех казнит, во всех углах казнит, и ночью и днем казнит, а мы не видим. Я—художник; во мне загубили талант. Я хотел учиться—передо мной закрыли школу,

Фот. Н. Петрова.

я хотел нести людям свет, а делаю только меню для богатых обжор. У меня болят глаза от ненужной работы и я погибаю, не сделав ничего, к чему предназначена судьбой...

— Но, ведь, тебя арестуют!

— Не бойся, здесь—организация. Если меня арестуют, вы не пропадете. Это был товарищ Валентин, сын генерала, но он бросил отца и живет с рабочими...

Арсений лежал на полу и не спал. Он видел, как в отце совершился переворот. Это был человек, вдруг понявший нечто столь важное и нужное в жизни, что готов бросить жену и детей, чтобы осуществить это. Иван Михайлович судорожно рассматривал картину то вблизи, как бы изучая мазки кистей, то отстраняясь, как бы в страхе перед ней. Арсений имел время издали рассмотреть ее подробности.

Темно-сизое небо с безмятежно горящими звездами чуть озарилось розовой полоской зари. Внизу, освещенные фонарями, метались люди в черных и серых одеждах. Все в ней, как будто перевернулось. Осужденные, точно белые птицы, взметнулись вверх. Солдаты приняли необычайные позы, и палачи сплотились в одну черную кучку, потеряв уверенность в власти. Движение цветных пленей придавало картине небывалую жизненность, навсегда поразившую сердце маленького Арсюши.

Когда Иван Михайлович лег, иконец, в постель, мальчик прижался к его руке и поцеловал ее. Ощущая слезы на лице сына, он спросил тревожно:

— Что с тобой?

— Я хочу быть художником и писать такие картины!

— Ах, Арсюша, тебе ли не быть художником! У тебя хорошее сердце—ты будешь счастливее нас,—сказал отец.

Утром Арсюша пришелся рисовать на память вчерашнюю картину, думая порадовать отца своими успехами, и детски наивными штрихами закреплял ее в своей памяти. Иван Михайлович долго рассматривал его работу, спрятал рисунок и сказал:

— Не рисуй этого, ты еще не понимаешь...

Вечером, когда все улеглись, он снова достал свою картину, чтобы перевести ее на кальку и с кальки на литографские камни. Прошло много вечеров и ночей, пока покрылись рисунком все четыре камни, предназначенные для разных цветов. Наконец, приступили к печатанию. Валентин привнес кое-какие принадлежности, ручной рефлекс и пр. Это был торжественный момент. Сначала отис-

К. Козлова.

(Выставка «Ост»).

Комсомолка.

довавать отца своими успехами, и детски наивными штрихами закреплял ее в своей памяти. Иван Михайлович долго рассматривал его работу, спрятал рисунок и сказал:

— Не рисуй этого, ты еще не понимаешь...

Вечером, когда все улеглись, он снова достал свою картину, чтобы перевести ее на кальку и с кальки на литографские камни. Прошло много вечеров и ночей, пока покрылись рисунком все четыре камни, предназначенные для разных цветов. Наконец, приступили к печатанию. Валентин привнес кое-какие принадлежности, ручной рефлекс и пр. Это был торжественный момент. Сначала отис-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции ж.д. дор.—25 копеек.

КРАСНАЯ МИВА

№ 22. Третий год издания. 24 Мая 1925 г. Москва. Третий год издания № 22.

Туркменка, освобожденная революцией от рабства и ее символа—чадры. Туркменская ССР вошла
ныне в союз СССР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ИИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
под РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 22

Москва, 24-го мая 1925 г.

№ 22

Фот. ВЦИК.

Делегация Кубанского казачества, приветствовавшая III Съезд Советов СССР.
На снимке (второй справа) т. Буденый.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
под РЕДАКЦИЕЙ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 23

Москва, 31-го мая 1925 г.

№ 23

Фот. И. Петрова.

Дейнека, А.

(Выставка «Ост»—О-во станковистов).

Перед спуском в шахты.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор.—25 копеек.

КРАСНАЯ МИВА

№ 23 Третий год издания. 31 Мая 1925 г. Москва. Третий год издания № 23.

1

т. Калинин.

2

т. Петровский.

3

т. Червяков.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ЦИК СССР.

4

т. Ф. Ходжаев.

5

т. Айтаков.

6

т. Мусабеков.

Выставка «Левые течения в русской живописи». Вялов.—Милиционер.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ.

впереди между деревьев, лес оборвался, и Абросим вышел к заводской ограде. Он осторожно, краудясь, пошел между куч торфа и штабелями досок. Он видел, как по заводскому двору и по улице поселка бродили люди. Иногда они проходили мимо, недалеко. Абросим садился на землю, выжидая.

Он остановился у изгороди, переплетенной хмелем, осмотрелся, нет ли кого близко. Близко никого. Абросим перескочил через изгородь в сад. В саду дом с большими темными окнами. Одно окно было отворено, и из него слышались неясные голоса. Говорили далеко, в соседних комнатах, за этой темнотой. Прислушиваясь, Абросим обошел дом. Он искал кого-то, поднимался на цепочки, вытягивал шею, заглядывая в темные окна, нет ли там света? Кто там говорит?

Абросим выбрал густой куст против окон и сел въ него. Ружье он держал обеими руками, каждую минуту готовый выстрелить.

По саду прошел кто-то белый, попевая. Абросим не шелохнулся. Через минуту против него в окнах зажглись огни. Высокий человек в белом пиджаке подошел к окну и растворил его.

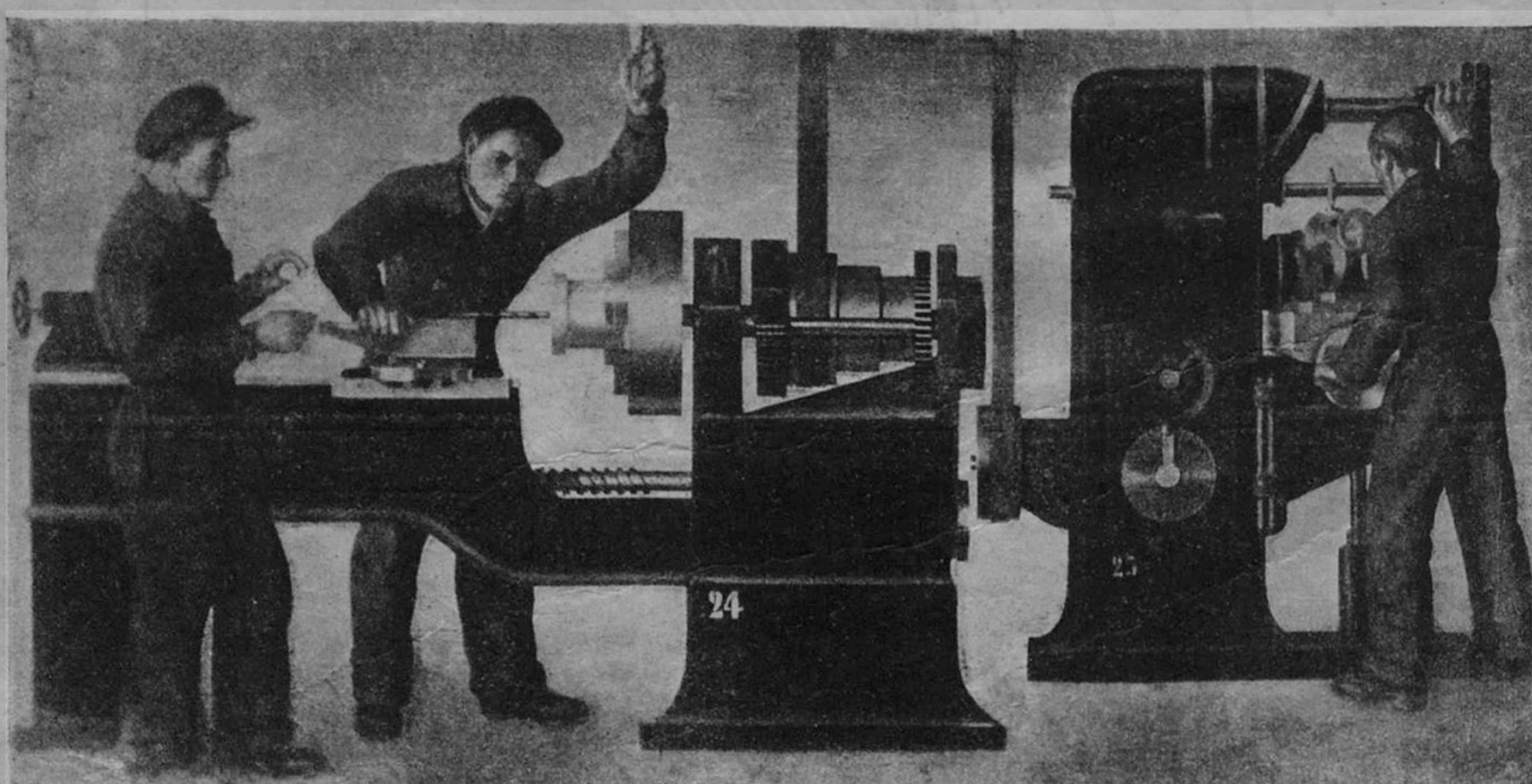
— Ночь-то, ночь какая! — крикнул он кому-то в комнаты.

Из комнаты ему ответили неясно. Человек засмеялся. Абросим бесшумно поднял ружье и выстрелил. Человек дернулся. Красные брызги, как бусины, полетели из его головы на стену и полосками поползли по обоям вниз. Человек упал, скрылся за подоконником. А красные струйки все еще ползли по стене.

Абросим побежал по дорожкам сада, перелез через забор и, только добежав до леса, остановился.

На дворе завода кто-то кричал. Беспрекословные голоса слышались на улице поселка.

Абросим злобно засмеялся.

Барщ.—«Хронометраж» (Общество станковистов).

ЦЕНА в Москве, провинции и на станциях жел. дор.— 25 копеек.

КРАСНАЯ ИМВА

№ 42. Третий год издания. 11 октября 1925 г. Москва. Третий год издания. № 42.

Тов. ЧИЧЕРИН в Берлине.

Представитель германского мин. иностр. дел статс-секретарь Шуберт встречает тов. Чичерина на Силезском вокзале в Берлине.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

№ 42—11-го октября 1925 г.

Рабфаковка.

Ориг. рисунок для «Красной Нивы» Д. Мельникова.